

2

Кубанскій Курьеръ

Четвергъ 3-го Юля 1914 года.

№ 1683

Потомъ старались наверстывать. И Боже мой, какъ старались! Не только Чехову простили, загнѣвъ не требовались! Не только Чехову простили, загнѣвъ не требовали восьмичасового рабочаго дня, но даже на

Чеховъ страдаетъ отъ жизни, по тому что ея фізіологія груба, банальна, топорна. Она эстетически неоправдана. Романъ Астрова и профессорши въ „Дядѣ Ванѣ“ очарованъ именно этимъ стыдомъ за фізіологію. Стыдъ предъ фізіологією, а не мотивы и соображенія этики и морали удерживаютъ Астрова и Елену Андреевну. Астровъ какъ то пробуетъ намекнуть на поэтическія развалины во вкусѣ Тургенева, «куда» хорошо бы удалиться, но не настаиваетъ. Чрезвычайно быстро, едва натолкнувшись на препятствіе, Астровъ отстраняется. Среди многихъ грубостей, которыми Художественный театръ наградила Чехова, самая неприятная для меня грубость была фізіологическая эротика г. Станиславского въ сценѣ съ профессоршей. Такъ извратить Чехова и его эстетическое міроотношеніе совершенно непростительно. Чеховское цѣломудріе—результатъ его стремленія къ «вящему», къ «невообразимо прекрасному». Когда фізіологія жизни не критикуетъ голосомъ инстинкта, не окрашена темпераментомъ и не воспламенена безразсудствомъ страсти она ужасна въ мѣщанствѣ своемъ, въ неясной речевой своей пошлости. Она въ состояніи тогда вызвать „припадокъ“, какъ у того студента изъ разсказа Чехова, который побѣхалъ въ домъ терпимости. Когда нѣтъ аппетита и разстроены фізіологическіе процессы—покумайте, сколько тягостнаго и пошлаго въ процессахъ питанія и пищеваренія! Какъ невообразимо тяжело чувствовать огромное брюхо, занимающее половину организма! Что долженъ испытывать мозгъ, обнимая міръ и сложнѣйшія чувства его, находясь въ

Право душевной красоты—вот право Вершинина. Безправіе некрасиваго—это судьба Кулыгина, обрившаго себѣ усы и ставшаго еще болѣе некрасивымъ. Кулыгинъ—хорошій человѣкъ, но оъ некрасивъ и потому обреченъ. И баронъ хорошій человѣкъ, но некрасивъ, и то же обреченъ. И рѣшительно неважно, будетъ ли однимъ барономъ больше или меньше. У сѣраго и обыкновеннаго нѣтъ моральнаго права на существованіе, какова бы ни была эта сѣрость и обыкновенность, хо

дось отъ религіи — отвѣтили оны. Онъ не былъ равнодушень — ибо равнодушіе предполагаетъ сознательность — ни къ вопросамъ религіи, ни къ идеаламъ общественности. Онъ могъ радоваться, что, скоро у насъ будетъ конституція* (воспоминанія А. И. Куприна). Но развѣ возможно этими фактами и утверждениями возражать противъ того, что у Чехова не было вѣры? У насъ разсуждаютъ какъ то странно. Вотъ человѣкъ радуется, что будетъ конституція или работаетъ для обученія народа грамотѣ — значить, на лицо идеалы общественности. Но тонкая, воспитанная, живая натура, вѣдь, не можетъ быть безучувствен-

И вотъ, куда идтъ? чѣмъ утѣшиться? Уйти въ исканіе красоты; тѣшиться изяществомъ какихъ то новыхъ, невиданныхъ, „невообразимо прекрасныхъ“ формъ. Если хотите, вообще, уйти въ форму... Три сестры — это исканіе формы, какъ и «Чайка». „Новыя формы нужны, а если нѣтъ новыхъ формъ, какъ ничего не нужно“, какъ говоитъ Треплевъ. Новая форма, какъ революція, какъ идея прогресса, порывающая роковую мысль о близкомъ концѣ. «Думайте, 22-го тор!» Новая форма, съ другой стороны, какъ плѣнительный образъ изящества. По изяществу вся тоska Мехова. Мы не можемъ быть счастливы, пока не увидимъ новой формы.

Не высокомеріе къ людямъ, а то-
по красотѣ—вотъ въ чемъ вся
ша Чехова, особенно послѣдняго
ріода его жизни. У него нѣтъ ми-
аристократическаго превосходства,
кую можно подмѣтить у Тургене-
который какъ будто всегда под-
ркиваетъ, что онъ-то знаетъ, что
асиво и въ чемъ красота. Чеховъ
ого не знаетъ; едва-едва смутно
вствуетъ. Онъ знаетъ, что некра-
ва жизнь и пошла, скучна, про-
на ея физиологія; что нужно от-
нуть въ ловѣ нязціаго; что меч-
объ нязціиомъ—это все, чѣмъ
асна жизнь. Но когда, гдѣ, какъ?
резъ триста-четыреста лѣтъ мо-
тъ быть... И что тогда? Тогда
нъ будетъ «невообразимо прекрас-
й», т. е. такъ прекрасна, что сей-
и свѣтъ обѣи на смѣхъ.

НОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

